

Киреев, Р. Бунин: «Мы в последний раз обнялись»: к биографии писателя / Р. Киреев. — Текст : непосредственный // Огонек. — 1994. — № 6-7. — С. 17-19.

ПРОТОТИПЫ ЛЮБВИ

Автор рубрики
Руслан КИРЕЕВ

В первый майский день 1918 года Иван Алексеевич Бунин записал в дневнике: «Утром в десять, когда я еще в постели, — Арсик — плачет — умерла Варвара Владимировна».

Арсик — это Арсений Николаевич Бибииков, актер и муж Варвары Владимировны, урожденной Пашенко. Всего несколько часов минуло, как она скончалась, а несчастный вдовец, еще не привыкший к этому своему печальному статусу, был уже у Буниных, в комнате хозяина.

«О чем они говорили, я не спрашивала», — вспоминала впоследствии хозяйка дома В. Н. Муромцева-Бунина. И добавила, что, по ее мнению, рассказ Ивана Алексеевича «В ночном море» «зародился и вырос из этого свидания».

Рассказ небольшой, всего несколько страничек. Два товарища юности, не видевшиеся почти четверть века, встречаются случайно на палубе парохода, идущего из Одессы в Крым. Один из них любил когда-то — и не без взаимности! — женщину, которая стала женой другого (с ним-то и оказался на палубе) и которая спустя несколько лет умерла.

Как прореагировал на давнее известие о смерти покинутый любовник? Что почувствовал? — интересуется тот, кому эта женщина отдала в конце концов предпочтение. И слышит в ответ: ничего. Почти ничего... «Больше всего некоторое удивление своему бесчувствию».

Фраза эта (как и состояние, которое в ней запечатлено) не выдумана писателем, славящимся изощренностью психологического анализа, она, лишь слегка измененная, перекочевала в рассказ из дневника, с той самой грустной первомайской странички 1918 года.

«Весь день, — писал Бунин, — у меня никаких чувств по поводу этого известия. Как это дико! Ведь какую роль она сыграла в моей жизни! И давно ли это было — она, молоденькая, мы приехали с ней в Полтаву... Ехали — в Харькове на вокзале поцеловала у меня руку и...»

Далее запись в дневнике обрывается, буквально на полупhrase, но через пять лет воспоминания подхватывает герой рассказа «В ночном море». «А ведь это, — исповедует он под плеск волн за бортом, — была моя первая и такая жестокая, многолетняя любовь».

Рассказ написан в 1923 году, а ровно десятилетие спустя, в то самое время, когда Нобелевский комитет решал в Стокгольме, дать или не дать премию живущему в изгнании русскому писателю, будущий лауреат, вконец обнищавший, писал на юге Франции, в Грассе, пятую — и, может быть, лучшую — книгу «Жизни Арсеньева», где «первая и такая жестокая... любовь» была воссоздана во всех ее пленительных подробностях, во всем многообразии красок, запахов и звуков ушедшей в небытие эпохи.

Свидетельницей тех грасских дней была русская писательница Галина Кузнецова, которая, по удивительному совпадению, родилась в тот самый год, когда вспыхнула первая бунинская любовь; Кузнецовой суждено было стать его последней любовью...

Галина Николаевна вела дневник — часть его увидела свет еще при ее жизни. (Умерла она в 1976 году.) Есть

в этих обнародованных страницах и о «Жизни Арсеньева», о той самой создаваемой на ее глазах пятой книге.

«Он так погружен сейчас в восстановление своей юности, что глаза его не видят нас и он часто отвечает на вопросы одним только механическим внешним существом. Он сидит по 12 часов в день за своим столом и если не все время пишет, то все время живет где-то там...»

Там — это в Орле, Ельце, Полтаве, словом, в местах, где разворачивается действие романа. И где на самом деле все это и происходило...

Началось в Орле, в редакции местной газеты, взявшей под свое крылышко двадцатилетнего поэта. Своим человеком стал, и вот однажды «вышла к чаю утром девица высокая, с очень красивыми чертами лица, в пенсне. Я даже сначала покосился на нее: от пенсне она мне казалась как будто гордою и фатоватою».

гувернантка — но молоденькая и недурненькая, как я слышал от сестры».

Итак, объект любви найден, оставалось лишь увидеть его и познакомиться, что и произошло вскоре.

Звали гувернантку Эмилией Васильевной Фехнер. Изъяснялась она с легким немецким акцентом, была невысока ростом, светловолоса, с голубыми глазами... Проходят два или три дня, и пятнадцатилетний обольститель дрожащей — «от упоенья! от горячей первой любви» — рукой записывает в дневнике: «Она моя! Она меня любит! О! с каким сладостным чувством я взял ее ручку и прижал к своим губам! Она положила мне головку на плечо, обвила мою шею своими ручками, и я запечатлел на ее губках первый, горячий поцелуй!..»

Не эта ли веселая непритязательная немочка выведена во второй книге «Жизни Арсеньева» под именем Анхен? Так или иначе, но опыт был. И были, по-

шись, встали из-за стола и сошли с балкона в темноту сада, она остановилась в его теплой черноте и, прислонясь спиной к дереву, протянула ко мне руки, — я не мог разглядеть, но тотчас угадал их движение...»

Гуляли до утра, до тех пор, пока не «стал светел весь сад от огромного золотистого востока, раскрывшегося за ним над желтыми полями за речной низменностью... Потом мы стояли на обрыве над этой низменностью, и она, глядя на солнечно разгорающийся небосклон и уже не замечая меня, пела «Утро» Чайковского».

Это, бесспорно, одна из самых поэтических сцен романа, и какая разница, была ли она в действительности (в одном из писем Бунина упоминает, что Пашенко «играла на рояле в беседке все из Чайковского») — была ли в действительности, или рождена фантазией поэта. («Все мое чувство состоит из поэзии», — роняет в том же письме будущий автор многочисленных стихотворных сборников.)

Но вот что наверняка имело место, так это размолвка после сказочной августовской ночи. В романе героиня ограничивается коротенькой запиской: «Не старайтесь больше меня видеть», в реальности же Бунин получил от нее пусть и сумбурное, но довольно обстоятельное письмо. В нем Варя признавалась, что пока, видимо, не любит его так, как ему этого хотелось бы, «...но может быть, со временем я и полюблю тебя. Я не говорю, что это невозможно, но у меня нет желания солгать тебе. Для этого я тебя слишком уважаю. Поверь и не сумасшествуй».

Он не внял совету. Или, что всего вероятней, просто-напросто не услышал его. «...я ничего не слышал, не видел, мысленно твердя одно: или она вернет мне себя, эту ночь, это утро, эти батистовые оборки, зашумевшие от ее замелькавших в сухой траве ног, или не жить нам обоим!»

Она «вернула». Она даже ответила на иступленную его мольбу: «Варюшечка! Дурная моя! Милая! У меня такое страстное желание поскорее назвать тебя женой», — ответила согласием, вот только прибавила шепотом: «Папу страшно жалко, для меня никого в мире нет дороже его!»

А шепотом, потому что папа как раз отдыхал после завтрака... Это был человек одаренный и властный, некогда довольно богатый, содержал даже оперу, потом докторством занялся — в «Жизни Арсеньева» он фигурирует именно как доктор.

Объяснился доктор с претендентом на руку дочери вежливо и твердо. Дочь его, разумеется, совершенно свободна, «но, — прибавил, — буде пожелает, например, связать себя с вами какими-либо прочными узами и спросит на то моего, так сказать, благословения, то получит от меня решительный отказ».

Почему? Это «почему» доктор задал себе сам и сам же ответил: «Не хочу видеть вас обоих несчастными, прозябающими в нужде, в неопределенном существовании». Словом, подытожил отец, «она, как говорится, совсем не пара вам».

Минет четыре десятилетия, давно умрут и Варя Пашенко, и грозный ее папаша, но Бунин, работая над «Жизнью Арсеньева», будет видеть его точно живого и раз даже, глядя на балконную дверь, скажет вместо «дождь идет» «доктор идет»; замечательная оговорка эта отмечена в дневнике Кузнецовой. (Той самой Галины Николаевны Кузнецовой, что была его последней любовью; не оттого ли столь зорко ока-

БУНИН: «Мы в последний раз обнялись»

Это — из письма Бунина брату Юлию; в романе никакого пенсне нет, зато фигурирует картуз, который Лика (Варвара трансформировалась в Гликерию) отняла у засмущавшегося, собравшегося уходить поэта. После чего села за пианино и сыграла «Собачий вальс».

«Словом, я ушел из редакции только в три часа, совершенно изумленный, как быстро все это прошло: я тогда еще не знал, что эта быстрота, исчезновение времени есть первый признак начала так называемой влюбленности».

Так выделось это через сорок с лишним лет пожилому писателю, без пяти минут Нобелевскому лауреату, тогда же, если верить написанному по горячим следам письму, «чувства ровно никакого не было». И вообще по-братски откровенничает будущий автор «Темных аллея», «в это время я как-то особенно недоверчиво стал относиться к влюблению».

Стал?! Сколько же лет скептику? Вел ли опыт?

Лет — двадцать, всего-навсего, но опыт тем не менее достаточен, о чем опять-таки свидетельствует бунинский дневник. С десятилетнего возраста вел (небрежно и с перерывами), а уже в пятнадцать записал следующее:

«Потребность любви!.. Но кого? В Озерках никого, а в Васильевском?.. Тоже никого! Впрочем, есть там одна

видимому, основания «недоверчиво... относиться к влюблению».

Варя Пашенко ледок недоверия растопила, хотя времени для этого ей потребовалось несколько больше, нежели Лике из «Жизни Арсеньева».

Переломным оказался вечер, когда Бунин увидел ее на любительской сцене в три часа, совершенно изумленный, как быстро все это прошло: я тогда еще не знал, что эта быстрота, исчезновение времени есть первый признак начала так называемой влюбленности».

«...мы все сидели на балконе. Ночь была темная, теплая. Мы встали и пошли гулять с Пашенко по темной акациевой аллее. Заговорили. Между прочим, держа ее под руку, я тихонько поцеловал ее руку».

Варя не отняла руки. Осторожно спросив, уж не влюблен ли он в нее часом, и услышав утвердительный ответ, призналась, что, кажется, тоже может полюбить. Если уже не любит... Во всяком случае, временами ей так кажется.

«У меня сердце замерло. А она вдруг порывисто обняла меня и... уж обычное... я даже не сразу опомнился! Господи! что это за ночь была!»

Спустя сорок лет Бунин опишет эту ночь в романе.

«Поздно ночью мы, точно сговорив-